https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0875-2-563-579
https://elibrary.ru/GCVHYP
УДК 82.0
Научная статья / Research Article
18+

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

ФРАНЦУЗСКИЙ НЕКРОЛОГ АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ (АНДРЕЙ ЛЕВИНСОН О ПОЭТЕ)

© 2026 г. А.Д. Савина
Вступительная статья, перевод с фр. и примечания

Аннотация: Цель данной работы — ввести в научный оборот малоизвестную статью А.Я. Левинсона (1887–1933) о Блоке, представляющую интерес не только как очередная интерпретация «пути» поэта проницательным современником, но и как факт межкультурных взаимодействий. Статья была опубликована в парижском издании *La Revue Mondiale* спустя несколько месяцев после смерти Блока и стала одной из первых франкоязычных работ в богатом литературном наследии критика. Левинсон и ранее обращался к произведениям поэта в качестве рецензента, однако в этом тексте он впервые постарался представить свой взгляд на творчество Блока в целом. В интерпретации критика двумя важнейшими началами, определяющими глубокую противоречивость и двойственность личности и творчества поэта, становятся романтическая традиция и своеобразие национального характера. Также в работе отмечается связь статьи с эмигрантским газетно-журнальным дискурсом: Левинсон затрагивает ряд тем, интенсивно обсуждавшихся на страницах русскоязычной периодики (причины смерти поэта, «присвоение» его разными партиями, отношение к большевикам и революции). Касаясь отношения Блока к произошедшему в России, Левинсон ссылается на собственное общение с ним в послереволюционные годы и выводит антиномическую формулу: «апостол и мученик большевистского заблуждения». В приложении публикуется комментированный перевод статьи на русский язык.

Ключевые слова: А.Я. Левинсон, А.А. Блок, некролог, русско-французские литературные связи, эмиграция первой волны

Информация об авторе: Анфиса Даниловна Савина — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-8081-5159
E-mail: anfisa.savina@yandex.ru
Для цитирования: Французский некролог Александру Блоку (Андрей Левинсон о поэте) / вступ. ст., пер. с фр. и примеч. А.Д. Савиной // Антиномичность поэтики русского модернизма и современная гуманитарная мысль: коллективная монография / отв. ред. и сост. С.В. Федотова. М.: ИМЛИ РАН, 2026. С. 563–579. 1 электрон. опт. диск (CD-R). Текст: электронный.
https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0875-2-563-579

A FRENCH OBITUARY FOR ALEXANDER BLOK (ANDREI LEVINSON ON THE POET)

© 2026. Anfisa D. Savina
Comp., trans. from French and commentary

Abstract: The aim of this article is to introduce into scholarly circulation a little-known essay by A. Ya. Levinson (1887–1933) on Alexander Blok. The text is of interest not only as yet another interpretation of the poet's creative development by a perceptive contemporary, but also as a document of intercultural exchange. The essay was published in the Parisian journal *La Revue Mondiale* several months after Blok's death and became one of the first French-language works in the critic's substantial literary legacy. Levinson had previously engaged with Blok's writings as a reviewer; however, in this piece he made his first attempt to present a comprehensive view of the poet's oeuvre. In Levinson's interpretation, two principal forces underlie the profound inner contradiction and duality of Blok's personality and artistic work: the Romantic tradition and the distinctive features of the Russian national character. The article also examines the essay's connection with émigré journalistic discourse: Levinson addresses a number of themes that were widely debated in Russian-language periodicals of the time, including the causes of the poet's death, the "appropriation" of his legacy by various political factions, and his attitude toward the Bolsheviks and the Revolution. Reflecting on Blok's response to the events in Russia, Levinson draws on his meetings with the poet in the post-revolutionary period and formulates an antinomic definition: "an apostle and a martyr of the Bolshevik delusion". The appendix presents a commented Russian translation of Levinson's essay.

Keywords: A.Ya. Levinson, A.A. Blok, obituary, Russian-French literary relations, first-wave emigration

Information about the author: Anfisa D. Savina, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-8081-5159
E-mail: anfisa.savina@yandex.ru
For citation: "A French Obituary for Alexander Blok (Andrei Levinson on the Poet) (comp., trans. from French and commentary by A.D. Savina)." *Antinomichnost' poetiki russkogo modernizma i sovremennaia gumanitarnaia mysl'* [*The Antinomic Nature of Russian Modernism Poetics and Modern Humanities Thought*], ex. ed. Svetlana V. Fedotova. Moscow, IWL RAS Publ., 2026, pp. 563–579. (In Russian) 1 Electronic Optical Disc. Text: Electronic.
https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0875-2-563-579

Почти четверть века назад Р.М. Янгиров отмечал, что в разнородном творческом наследии эмигрантов первой волны «есть особый извод, который требует определенной конвертации в отечественную традицию: это творчество тех эмигрантов, кого обстоятельства вынудили оставить родной язык и обрести новое воплощение в иноязычном культурном пространстве» [11, с. 202]. Творческая судьба историка и критика балета, театра и кино, искусствоведа, литературного критика А.Я. Левинсона (1887–1933) являет собой пример очень успешной интеграции покинувшего Советскую Россию интеллигента в культурную жизнь принимающей страны. Эмигрировав в 1921 г., Левинсон достаточно быстро стал желанным сотрудником не только основанных соотечественниками газет и журналов («Руль», «Последние новости», «Жар-Птица» и др.), но и авторитетных франкоязычных изданий (*La Revue Mondiale, La Revue Musicale, Le Temps, Comœdia*, etc.). Говоря о степени изученности разностороннего творческого наследия нашего героя, стоит отметить, что при безусловном возрождении интереса к его работам в постсоветской России[1], наименее опубликованной и исследованной остается его литературная критика. Переводы некоторых франкоязычных литературно-критических работ представлены в публикациях Р. Тименчика [29], М. Никё и С.И. Субботина [5; 34], В.В. Полонского [6].

Как отмечают исследователи[2], А.Я. Левинсон начал выступать в печати еще будучи студентом романо-германского отделении филологического факультета Санкт-Петербургского университета. В предреволюционное десятилетие он сотрудничает в различных

[1] См. переиздания его работ о балете [33], театре [35], кино [30].

[2] Основные сведения о биографии Левинсона можно почерпнуть в работе Б. Илларионова [2]. Биографическая канва с фокусом на тех или иных подробностях творческой жизни представлена и в более поздних работах [6; 35, с. 7–18; 33, с. 7–45 и др.].

повременных изданиях (журналах «Современный мир», «Аполлон», «Ежегоднике императорских театров» и др.), является постоянным автором кадетской газеты «Речь», выпускает несколько книг, посвященных истории искусства и балету. В 1917 г., успешно защитив диссертацию «О мемуарах герцога Сен-Симона», Левинсон начинает читать лекции по новейшей и средневековой французской литературе в своем альма-матер. Публиковаться и преподавать (уже в трех учебных заведениях: в дополнение к Санкт-Петербургскому университету его приглашают в Третий педагогический институт и в Российский Институт Истории Искусств) он продолжит и в послереволюционные годы.

В 1910-е гг. Блок и Левинсон были знакомы (о чем свидетельствует, в частности, запись Блока о встрече на спектакле Мейерхольда [22, с. 232]), однако не состояли ни в дружеских, ни в деловых отношениях. После революции пути поэта и критика сошлись благодаря работе в горьковском издательстве «Всемирная литература». Оба они были привлечены к работе в издательстве уже в начальную пору его существования — осенью 1918-го. Блок вошел в редколлегию по немецкому отделу «Всемирной литературы» в марте 1919 г., Левинсон стал заведующим французским отделом несколькими месяцами ранее. С ноября 1918 г. имя Левинсона мелькает в записных книжках Блока в связи с посещением редакции. Краткие упоминания Левинсона в блоковском дневнике этого времени свидетельствуют о закономерном расхождении взглядов ориентированного на западную культуру эрудита-галломана и размышляющего о кризисе гуманизма поэта: западник и недавний сотрудник кадетской газеты «Речь» становится одним из незримых оппонентов Блока при подготовке доклада «Крушение гуманизма»[3].

В феврале 1921 г. Левинсон с семьей нелегально покинул Россию и через Литву добрался до Берлина, а спустя несколько месяцев переехал в Париж. Оказавшись в Европе, критик начал сотрудничать в ряде периодических изданий, включившись в культурную и общественную жизнь русского зарубежья[4]. Среди его многочисленных и разножанровых публикаций этой поры встречаются две, посвященные творчеству Блока: отклик на осуществленный Р. фон Вальтером

[3] Подробнее о личных и творческих взаимоотношениях поэта и критика см. нашу работу: [8].

[4] Как отмечает Р.М. Янгиров, «вместе с Ольгой Гзовской, Марком Алдановым и другими видными представителями русской колонии в Берлине он [Левинсон] был избран в комитет помощи голодающим в России» [11, с. 204]

немецкий перевод «Двенадцати» [31][5], в котором поэме уделялось не меньше внимания, чем переводу, и рецензия на сборники «За гранью прошлых дней» и «Седое утро» под названием «Незрячий пророк. (Новые книги Блока)» [32], в которой автор также не обходил молчанием «Двенадцать». Выход второй рецензии практически совпал с известием о смерти поэта. Несмотря на то, что критик в ней отзывался о Блоке-стихотворце с восхищением, он позволил себе упреки в адрес прозы поэта («Идеология Блока, заимствованная поэтом на веру у левоэсеровских краснобаев, разработанная в ряде незначащих брошюрок и докладов, беспомощна и пресна» [32]), что прозвучало диссонансом на фоне потока некрологов, заполонивших эмигрантскую прессу.

Насколько нам известно, Левинсон так и не выступил в русскоязычной печати с некрологом или мемуарами, что было бы ожидаемо, учитывая его относительно недавний выезд из России и частые встречи с Блоком во «Всемирной литературе». Тем более, что в Париже Левинсон участвовал в памятных мероприятиях, в частности, 21 августа выступал с воспоминаниями на посвященном Александру Блоку вечере, устроенном Палатой поэтов [7, с. 44].

Осенью 1921 г., оставаясь сотрудником русскоязычных эмигрантских изданий, Левинсон начал публиковаться во французской периодике. Судя по библиографии, составленной Л. Ливаком [12, с. 195–220], его первые статьи появились в журнале *La Revue mondiale*: в октябрьском номере был напечатан обзор «Современная русская литература» [40], в ноябрьском — некролог Блоку [42]. Первая публикация легла в основу лекции, прочитанной Левинсоном в Сорбонне в мае 1922 г. и позднее вышедшей отдельной брошюрой в издательстве Я. Поволоцкого[6]. В этом обзоре Левинсон посвящает Блоку несколько абзацев, сосредоточив свое внимание на поэме «Двенадцать» (см. примеч. 17 к *Приложению*). Еще в русской рецензии критик подчеркивал:

> «За эти годы случилось так, что единственный стихотворец заслонил собой едва ли не весь горизонт русской поэзии. Семнадцатый, кровавый и огромный год неистребимыми письменами запечатлен в “Двенадцати”

[5] Впервые Левинсон коснулся «Двенадцати» в печати еще в декабре 1918 г. в рецензии на выпущенное «Алконостом» отдельное издание поэмы с иллюстрациями Анненкова [28].

[6] Перевод с подробными комментариями см. в публикации В.В. Полонского: [6, с. 282–313].

Александра Блока. <…> “Двенадцать”: откровение о нашей революции, ее воплощение в образах-знаках» [32].

Подобную мысль он формулирует и для французских читателей: «великий большевистский переворот, безумный натиск масс, нравственное крушение и разрушительное сумасшествие ополоумевшего народа, терзающего себя самого, еще могли ждать адекватного литературного выражения, если бы не появилась одна вдохновенная и неслыханная поэма. Это — “Двенадцать” Александра Блока» [40, p. 333–334][7]. Лаконично обрисовав финал и охарактеризовав «сложносоставный язык» поэмы, Левинсон переходит к следующему автору (Ремизову). Разговор о Блоке будет продолжен в следующей — целиком посвященной поэту — статье критика.

Статья «Смерть русского поэта. Александр Блок» [42] — это первый текст А.Я. Левинсона, в котором он старается представить свой взгляд на творчество Блока в целом, а не на отдельные его произведения (преимущественно, поэму «Двенадцать»), как ранее. В то же время очерк любопытен не только как очередная интерпретация литературного наследия Блока проницательным современником, но и как факт межкультурных взаимодействий. Внимание к тексту позволяет увидеть облик поэта, представленный французскому читателю 20-х гг. прошлого века.

В статье ярко проявляется «творческий почерк» критика: стилистическая приподнятость и некоторая «витиеватость»[8] соединяется с насыщенностью литературными именами и разнообразными сопоставлениями, позволяющими вписать рассматриваемое явление в мировой культурный контекст, что особенно важно, учитывая необходимость сделать творчество русского поэта понятным для иноязычного читателя. Обращенность к французской аудитории приводит и к «некоторой ознакомительной описательности» [6, с. 272], и к заострению оппозиции «русский vs европейский»: внутренне обоснование творчеству Блока Левинсон находит в глубокой противоречивости русской души.

Кроме того, в статье можно увидеть точки соприкосновения с многочисленными текстами, посвященными Блоку, которые появились в эмигрантской периодике в августе-сентябре 1921 г. Левинсон

---

[7] Учитывая совпадение этого фрагмента текста в журнальном и книжном вариантах, мы цитируем текст в переводе В.В. Полонского [6, с. 294].

8 «Витиеватый Левинсон», — определил в одной из дневниковых записей К.И. Чуковский [38, с. 305].

не обходит стороной ряд тем, интенсивно обсуждавшихся на страницах русскоязычной периодики[9]: политизированным и потому достаточно острым под пером журналистов оказался вопрос о причинах смерти Блока (совершенно неслучаен скепсис Левинсона по поводу «официальной» версии); много и эмоционально писали о «присвоении» поэта большевиками (с неприязнью отзываясь о «боевом кличе» «Он наш!», Левинсон, очевидно, имеет в виду не только большевиков, но и некоторых своих собратьев по цеху); разумеется, особенно животрепещущим был вопрос об отношении Блока к большевикам и большевизму (Левинсон очень далек от прямолинейной логики некоторых публицистов, утверждавших, что «цынга» «снимет с его [Блока] многострадальной тени все нарекания в большевизме» [39]. Заметим, что критик касался отношения поэта к произошедшему в России и ранее, в русскоязычных рецензиях, однако только во французской статье он упоминает о личном общении с ним). О Блоке как выразителе поколения писали и в эмиграции, и в России — очевидно, это впечатление разделяли многие современники (см. примеч. 5 к *Приложению*).

Стремясь представить целостную характеристику творчества автора «Двенадцати», Левинсон заведомо отказывается от попыток «свести к нескольким кратким формулам множество ритмов, образов, звучаний, возникающих в памяти при имени Блока», и определяет свою задачу как «расстановку вех, отмечающих этапы пути поэта до подножия его Голгофы». «Вехами» для критика становятся первые стихотворные сборники Блока: «Стихи о Прекрасной Даме» (1904), «Нечаянная радость» (1907), «Земля в снегу» (1908). Любопытно, что Левинсон обращается не к трехтомному собранию лирики, вышедшему в нескольких вариантах еще при жизни поэта[10], а к трем ранним книгам (хотя и не ограничивается только ими), ставя акцент на изменении образа «идеальной возлюбленной». При этом неупомянутым оказывается сборник «Ночные часы» (1911), вероятно, потому что к моменту написания статьи уже прочно утвердилось восприятие творчества Блока как трилогии, заданное самим поэтом еще в предисловии к первому собранию стихотворений [23, кн. 1, б. с.]. Л.Н. Лунц, автор первого обзора посмертной литературы о Блоке, характеризуя

[9] Подробнее об этом см. статьи О.Л. Фетисенко [9] и А.В. Бакунцева [1, с. 103–108].

[10] Как отмечает О.А. Кузнецова, «в 1911–1912 гг. сложился канонический тип издания лирики Блока — трилогия. В дальнейшем осуществлялось перераспределение стихотворений по томам, менялась структура отдельных книг, а также хронологические рамки как поэтической трилогии в целом, так и отдельных ее частей» [3, с. 388].

научно-критические статьи, отмечал: «все они, в определенном смысле, похожи друг на друга. Все говорят о пути Блока, и все устанавливают одинаковые этапы этого пути: Прекрасная Дама — Незнакомка — Россия. Иначе: мир чистой мечты — нисхождение этой мечты в реальный мир — победа над реальностью, завершенная “Двенадцатью”» [36, с. 396]. С некоторой натяжкой эта схема соответствует и картине, нарисованной Левинсоном. Однако для него двумя важнейшими началами, определяющими глубокую противоречивость и двойственность как личности, так и творчества поэта становятся романтическая традиция («поэтическая доктрина Блока — это доктрина всех романтиков») и своеобразие национального характера.

О связи творчества Блока с романтической традицией критик упоминал и ранее — в русской рецензии на перевод «Двенадцати», находя в области поэтики обоснование противоречивому финалу поэмы:

> «…*закон* этой поэзии: раздвоение бытия. Ее техническая формула, основной прием — *антитеза*.
>
> Дуализм свойствен всякому почти поэтическому воззрению на мир, романтическому — во всяком случае, блоковскому — в особой степени. “Прекрасная дама”, прозреваемая в явлениях каждодневного бытия, прохождение “Незнакомки” на фоне тривиальной суеты — таковы привычные образы символики Блока, всегда антитетичные. <…> антитеза искони была использована как самый мощный из приемов стиля…
>
> Так и на этот раз у Блока *прием,* привычный и увлекательный, определил развязку “Двенадцати”. Ради неотразимого подсказа *формы* он и заставил прозвучать сквозь волчий вой вьюги сладостный, как гобой, мотив Снежного Христа. То, что мы восприняли как кощунство и злостную неправду, как тот грех против Духа Святого, коему нет прощения, — лишь второе звено *антитезы*» [31].

Во французской статье объяснение поэме «Двенадцать» Левинсон ищет уже не в особенностях поэтики, а в специфике национального характера:

> Блок «был глубоко, горячо, роковым образом русским. Русский в том, что весь остов европейской цивилизации, всякая традиция, всякая условность, упрочивающая существование, — порядок, мера — кажутся ему хрупким и эфемерным обманом зрения, скрывающим “древний и родимый” хаос <…>. Чтобы вознестись к вечному свету, эта русская душа, жаждущая мученичества и абсолюта, должна была спуститься в самые неисследованные, самые мрачные глубины сознания. Именно эта жажда

> абсолюта, чаши, испитой до дна, эта потребность растоптать свою собственную душу, полностью уничтожить лживый мир, дабы подготовить приход мира идеального, вдохновили Блока на поэму “Двенадцать”, <…> являющую собой кровавый Апофеоз Октябрьской революции».

В финале Левинсон истолковывает судьбу Блока, прибегая к понятию «трагическая ошибка» (*фр*. «faute tragique»), восходящему к аристотелевской «Поэтике» («ἁμαρτία» — с *др.-гр*. «ошибка», «изъян»), и, усиливая антиномичность, дает свою формулу: «апостол и мученик большевистского заблуждения».

Остается добавить, что это не последняя публикация критика о Блоке — в 1923 г. в газете *Le Temps* была помещена заметка Левинсона, поводом для которой стала постановка «Балаганчика» (*La Petite Baraque*) на парижской сцене. (Премьера спектакля Ж. Питоева состоялась 22 ноября 1923 г.[11]) Текст посвящен не спектаклю (о недавней премьере только упоминается), а творчеству Блока — Левинсон в несколько сокращенном и отредактированном виде повторяет то, что писал о поэте ранее в журнале *La Revue mondiale*.

Публикуемый ниже текст представляет собой наш перевод статьи: *Levinson André*. Sur la Mort d’un Poète russe. Alexandre Block // La Revue mondiale. 1921. Vol. CXLV, № 21. 1 nov. P. 77–80.

[11] О постановке и ее восприятии французской публикой см., например, работу Е.А. Мырзиной: [4].

Андрей Левинсон

О СМЕРТИ РУССКОГО ПОЭТА. АЛЕКСАНДР БЛОК

«У счастливого недруги мрут, / У несчастного друг умирает…»[1]… Несчастный, о котором скорбит в жалобной песне Некрасов, — это сегодня… вся удрученная Россия, оплакивающая своего самого вдохновенного поэта. Великий усопший — Александр Блок, скончавшийся в возрасте 40 лет. Сообщают, что он умер от цинги; «от разрыва сердца», — с удовлетворением поправляет официальная советская версия[2]. Мы лишь смутно припоминаем, что такое цинга. И вдруг видим себя школьниками младших классов, тревожно вчитывающимися в «Приключения капитана Гаттераса» Жюля Верна: цинга — это ведь болезнь, от которой умирают в нескольких переходах от полюса исследователи северной пустыни, болезнь, вызванная голодом и, главное, отсутствием растительной пищи[3]. От этого умер в Петрограде поэт! Но решимся же быть доверчивыми и примем объяснение, предложенное советским глашатаем[4]: трагическая судьба Александра Блока от этого не становится менее ужасной.

Дело в том, что сердце, от которого умер Блок, было великим сердцем. Он был затаенным, таинственным, проникновенным голосом целого поколения[5] — прекрасной молодежи 1905 года. Уже сегодня его имя окружено легендой: настолько его призвание поэта кажется очевидным, роковым — не призвание человека, по ремеслу создающего прекрасные стихи, но призвание избранника, предназначенного свыше, провидца. Отсюда его власть над душами и безмерная скорбь, вызванная его смертью. Почему бы не признаться? Меня удручает задача свести к нескольким кратким формулам множество ритмов, образов, звучаний, возникающих в памяти при имени Блока. Его творчество, целиком состоящее из интуиции и мечты, мало поддается рассудочному анализу. Итак, я ограничусь расстановкой вех, отмечающих этапы пути поэта до подножия его Голгофы.

«Стихи о Прекрасной Даме»[6], сразу прославившие его имя, — это книга мистической любви, подобно «Новой жизни» Данте и «Канцоньере» Петрарки. В этих первых лирических порывах, мечтательных и неясных, узнается последователь великого религиозного философа Владимира Соловьева. В остальном поэтическая доктрина Блока — это доктрина всех романтиков — от Новалиса до Жерара де Нерваля. Для него вселенная раздваивается: мир грубых или тусклых видимостей — лишь покров, наброшенный на идеальный мир, мир подлинной

реальности. Поэтическое волшебство являет ее во всей полноте. Но каким юношеским пылом и какой славянской меланхолией облекается этот философский дуализм! Никогда земная возлюбленная не была предчувствуема, ожидаема, призываема в таком сладостном, таком исступленном, так мелодично лепечущем бреду, как сокровенная Прекрасная Дама, бессмертная возлюбленная юного мага Блока.

«Нечаянная Радость»[7] — второй сборник, в котором Блок с более зрелым мастерством, более мужественным тембром подхватывает нить тех же ощущений. Только «Прекрасная Дама» юношеской книги, далекая и призрачная, воплощается и нисходит к нам; она становится Незнакомкой, которая является поэту в пошлой обстановке загородного ресторана — и на этот раз страстно переживаемая реальность смешивается для него с вымыслом. Это все та же Незнакомка, проходящая своей гордой и невесомой поступью через обманчивое действие маленькой символической пьесы, сотканной из иронии и лирических излияний. Другая знаменательная пьеса, «Балаганчик» (Le petit Guignol[8]), приспосабливает к сокровенной тоске поэта по нездешнему миру традиционную маску итальянской комедии. Это настоящая романтическая пародия: карикатурная группа «мистиков обоего пола» выполняет роль хора, автор сам появляется на сцене, суфлер силой заталкивает его в свою будку — гротескные сценические приемы, подчеркивающие пронзительность замысла. «Роза и крест», трагедия, чей переливающий через край действия лиризм охотно облекается в симметричную форму стансов, венчает театральное творчество Блока. Декорацией ей служит мечтательное Средневековье, напоминающее о «Бургграфах»[9] и «Праматери» австрийца Грильпарцера[10].

Третий том лирики — «Земля в снегу», частью которого является новый, исполненный страсти цикл «Снежная маска»[11], — дополняет общую картину. Можно сказать, что видение иного мира, преследующее поэта, локализуется: снежный вихрь вызывает в памяти зиму в русских степях. Образ идеальной возлюбленной и сам преображается среди этой призрачной белизны: это уже не Мадонна первых грёз, не Незнакомка, мелькнувшая среди горьких пошлостей существования, это «Безжалостная Красавица» англичанина Китса[12], Богородица-Смерть.

Все настойчивее воображению Блока представляется образ родной страны. Поэт Санкт-Петербурга, «искусственной столицы», мысленно странствует, словно настоящий русский скиталец, хмельной бродяга, по величественным и нищим просторам. Он видит себя — в одном памятном стихотворении — потрясаемым пророческой

лихорадкой, распятым на позор перед ликом своей страны[13]; в другом стихотворении — «На поле Куликовом»[14] (месте разгрома татарских захватчиков) мы снова слышим, как над русской землей веет ветер надвигающихся бедствий. С наступлением войны эти разрозненные строфы были объединены в небольшой том «Стихи о России».

Но был ли он русским по своему существу, этот романтик в духе Гофмана и Новалиса, этот жонглер Богоматери, заблудившийся, казалось бы, среди печальных снегов? Без сомнения, он был глубоко, горячо, роковым образом русским. Русским в том, что весь остов европейской цивилизации, всякая традиция, всякая условность, упрочивающая существование, — порядок, мера — казались ему хрупким и эфемерным обманом зрения, скрывающим «древний и родимый» хаос, как говорит его великий предшественник Тютчев; русским в том, что рассудочность отступает для него перед стихийной мощью необузданной страсти, неистового чувства, уничтожающего личность; это дионисийское освобождающее опьянение Блок искал повсюду: в цыганской песне (и недаром некоторые из его стихотворений, как некогда стихи Аполлона Григорьева, одного из его любимых учителей, распеваются сегодня хорами «племени Фараона», которые не знают о нем ничего, даже имени), в чарах вина, в любви, страдании. Чтобы вознестись к вечному свету, эта русская душа, жаждущая мученичества и абсолюта, должна была спуститься в самые неисследованные, самые мрачные глубины сознания. Именно эта жажда абсолюта, чаши, испитой до дна, эта потребность растоптать свою собственную душу, полностью уничтожить лживый мир, дабы подготовить приход мира идеального, вдохновили Блока на поэму «Двенадцать», о которой я уже подробно говорил, — поэму, являющую собой кровавый Апофеоз Октябрьской революции. В ней оказываются рядом боязливый буржуа, резонерствующий интеллигент и люди, вышедшие из бездны, — двенадцать красноармейцев, сутенеров, убийц, богохульников, чудовищ. И именно им является во мраке и ветре зимней ночи Спаситель. Именно этих темных преступников Он отметил своим перстом, чтобы они однажды стали Его апостолами.

Едва поэт умер, все партии стали предъявлять права на наследие его славы. «Он наш!» — таков был боевой клич: святотатственный спор! Но «Двенадцать», как бы то ни было, — большевистская поэма.

У него была вера, он умер, когда ее не стало. Четыре года большевистской власти были плачевной агонией его мечты о родине и человечестве, искупленных страданием. Чуда не произошло; убиенная страна погружалась в тлен. На третий день воскресения не случилось.

Внешне Блок упорствовал в своей великодушной и смертельной иллюзии. Должен это засвидетельствовать, ибо много раз встречался с ним в те страшные годы: нас связывало ежедневное сотрудничество. Но он задыхался от отвращения, был преисполнен горечи, подточен скорбью. Его прекрасный мраморный профиль хранил печать меланхолии. Петроградская молодежь, уцелевшая после семи лет войн и трех лет убийств, голода, эпидемий, окружала безграничным обожанием этого человека с надменной, безразличной, холодно-любезной маской вместо лица и упивалась печалью при звуках его глухого, бесстрастного голоса, странно лишенного выражения. Этот поэт воплощал в себе обманутую надежду пяти поколений.

Эстетика Аристотеля включает понятие «трагической ошибки». Герой, ослепленный роком, совершает ее. Он платит за нее жизнью и обретает бессмертие. Такова была участь Александра Блока, апостола и мученика большевистского заблуждения.

---

[1] Цитата из стихотворения Н.А. Некрасова «Не рыдай так безумно над ним…» (1868).

[2] Сообщение о смерти Блока «от тяжкой болезни сердца» было помещено в «Петроградской правде» [16]; на эту же причину указывала просоветская берлинская газета «Новый мир» [14]; см.: [1, с. 104–105].

[3] Научно-приключенческий роман Ж. Верна «Les Aventures du capitaine Hatteras» повествует о путешествии на Северный полюс (один из русских переводов романа принадлежал тетке Блока М.А. Бекетовой). Как многие современники, А.Я. Левинсон считал цингу болезнью, невозможной в нормальных бытовых условиях. Развертывание подобной логики с опорой на русские реалии можно увидеть в публикации Яблоновского: «…цынга — это свидетель нелицемерный, которому можно верить, закрывши глаза.

— Цынга — болезнь несчастных, болезнь голодных.

В старой России она бывала у беглых арестантов, скитавшихся в тайге. Бывала у путешественников, потерпевших кораблекрушение, да разве еще у очень захолустных голодающих крестьян.

Но в нынешней советской России — это болезнь интеллигенции по преимуществу, болезнь писателей, профессоров, священников, поэтов, актеров» [39].

Отметим, что Блоку впервые диагностировали цингу в 1909 г. [10, с. 730].

[4] Левинсон не одинок в своем скепсисе. Так, сотрудник «Общего дела», отмечая расхождения в обозначении причины смерти Блока в просоветской прессе восклицал: «То, что в “Петроградской правде” *болезнь сердца*, в Риге *рак*… И все это для того, чтобы скрыть, что русский поэт умер в советском раю от цынги…» [15].

[5] Ср.: «Блок был не только лучшим из современных поэтов. Он был певцом целого поколения, и его замолкнувшие песни замкнули целый невозвратный период *нашей* жизни, *нашей* любви и *наших* упований» [37]. В Советской России о Блоке как о «голосе времени», «откровении о душе нашего поколения» писал Гизетти [27, с. 3]. См. об этом статью О.Л. Фетисенко: [9, с. 272].

[6] Первый поэтический сборник Блока вышел в 1904 г. (на титуле — 1905) в издательстве «Гриф» [24].

[7] Второй сборник стихов «Нечаянная радость» вышел в 1907 г. в книгоиздательстве «Скорпион» [18].

[8] В статье Левинсона 1923 г. [41] название «Балаганчик» переведено на французский не «Le petit Guignol», а «La Petite Baraque» (так название пьеса получила в постановке Ж. Питоева).

[9] Действие исторической драмы Виктора Гюго «Бургграфы» (*Les Burgraves*) происходит в начале XIII в. в замке на берегу Рейна.

[10] В трагедии Грильпарцера «Праматерь» (нем. *Die Ahnfrau*) основным местом действия становится средневековый замок. Блоку принадлежал один из переводов «Праматери» на русский язык.

[11] Лирический цикл «Снежная маска» составил последний раздел «третьего сборника стихов» «Земля в снегу» (1908) [17]. Ранее цикл был опубликован отдельной книжкой в издательстве «Оры» [21].

[12] К образу «Безжалостной Красавицы» (*La Belle Dame sans Merci*) Левинсон прибегает и в статье об Анне Ахматовой [29]. Хотя, возможно, в ней речь идет не о балладе Дж. Китса, а об одноименной поэме французского средневекового поэта Алена Шартье (1424) (см. комментарии Р.Д. Тименчика: [29, с. 56]).

[13] Имеется в виду первое стихотворение цикла «Осенняя любовь» («Когда в листве сырой и ржавой…»), входившего в сборник «Земля в снегу» [17, с. 122].

[14] Цикл «На поле Куликовом» входил в раздел «На родине» «четвертого сборника стихов» «Ночные часы» (1911) [19, с. 7–14]. Первое стихотворение цикла «Река раскинулась. Течет, грустит лениво…» было опубликовано под названием «На поле Куликовом» в 1915 г. в «Журнале журналов» (см.: [20, т. 3, с. 916–917]).

[15] Книга «Стихи о России» вышла весной 1915 г. [25] и, как отмечают комментаторы, была оценена критикой «чрезвычайно высоко»: «Именно этот сборник способствовал окончательному формированию общего представления о Блоке как о крупнейшем национальном поэте современности, достигшем в стихах на тему родины вершин своего творчества» [20, т. 3, с. 903].

[16] Отсылка к строкам Ф.И. Тютчева «О, страшных песен сих не пой / Про древний хаос, про родимый!» («О чем ты воешь, ветр ночной…»).

[17] В статье «Современная русская литература» Левинсон писал о поэме «Двенадцать»: «Эта поэма — песнь песней октябрьской революции — пове-

ствует о мрачном красногвардейском ночном дозоре в декорациях Петрограда-фантома. В финале поэмы мы видим, — кощунственное сближение образов! — как сквозь снежную вьюгу проступает Христос, указующий путь этому жуткому отряду. Движимый своеобразным мистическим мессианством, поэт наделяет своих зловещих душегубов некой бессознательной полубожественной миссией.

Ни одно другое сочинение не вызывало столь яростных споров; большевики и сами испугались скрытой западни в этом апофеозе. Но художник явил здесь чудеса интуиции и податливой гибкости. Он использует сложносоставной язык, где уличный и тюремный жаргон сплавляется с речениями публичных собраний, звонкими частушечными оборотами, фрагментами православных молитвословий и серафической сладостностью окрыленных слов, сопровождающих появление Христа». Перевод приводится по: [6, с. 295].

[18] Среди особенно эмоциональных высказываний на эту тему можно привести строки из статей И.М. Василевского («“Он был наш!” — будут уверять большевики, ссылаясь на отдельные строфы в поэмах “Двенадцать” и “Скифы”. — Нет, он не был ваш… Он был умучен вами» [26]) и А.А. Яблоновского («Был ли Блок “ваш” или не ваш, но вы его уморили. Тем хуже для вас, если он был “ваш”, и тем печальнее для России, если он не был “ваш”» [39]).

[19] В «Поэтике» Аристотеля фигурирует понятие ἁμαρτία (др.-гр. «ошибка», «изъян») под которым, по формулировке М.Л. Гаспарова, подразумевается «оплошный поступок, совершенный не с дурным намерением, а по неведению» [13, с. 782].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Бакунцев А.В.* «В газетах — Блок, Блок, Блок…»: Отклик И.А. Бунина на смерть А.А. Блока // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2015. № 3. С. 100–114.
2. *Илларионов Б.* Андрей Левинсон. Комментарии: Материалы к биографии // Балет. 1998. Сент.-дек. С. 16–18.
3. *Кузнецова О.А.* История формирования лирической трилогии Блока // *Блок А.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Наука. 1997–. Т. 1. С. 385–393.
4. *Мырзина Е.А.* Жорж Питоев и русская драматургия («Балаганчик» А.А. Блока) // Театрон. 2020. № 3 (33). С. 16–34.
5. *Никё М.* Андрей Левинсон — толкователь Сергея Есенина // Современное есениноведение. 2017. № 4 (43). С. 14–17.

6. *Полонский В.В.* Искусствовед-франкофон на изломе истории: литература и революция глазами Андрея Левинсона. Приложение. *А. Левинсон.* Современная русская литература: Война-Революция-Изгнание. Лекция в Сорбонне 20 мая 1922 г. // *Полонский В.В.* Из истории русско-французских литературных связей конца XVIII – начала XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 250–313.
7. Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция / под общ. ред. Л.А. Мнухина. М.: ЭКСМО, 1995. Т. 1: 1920–1929. 630 с.
8. *Савина А.Д.* Александр Блок и Андрей Левинсон // Литературный факт (в печ.).
9. *Фетисенко О.Л.* Первые отклики на смерть А. Блока в прессе русского зарубежья // Зарубежная Россия. 1917–1945: сб. ст. СПб.: Лики России, 2004. Кн. 3. С. 271–277.
10. *Щерба М.М., Батурина Л.А.* История болезни Блока // Литературное наследство. М.: Наука, 1987. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования: в 5 кн. Кн. 4. С. 729–735.
11. *Янгиров Р.М.* Андрей Левинсон во Франции // Судьба еврейского театра в России. XX век: Исследования, архивы, библиография: Вторые Михоэлсовские чтения. М.: РГБИ, 2001. С. 202–211.
12. *Livak L.* Russian Émigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France: A Bibliographical Essay. Montreal & Kingston; London; Ithaca: McGill-Queen's University Press, 2010. 542 p.

Источники

13. *Аристотель*. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1976–1983. Т. 4. 830 с.
14. *Б. п.* Кончина Александра Блока // Новый мир. 1921. № 168. 19 августа. С. 3.
15. *Б. п.* Сговоритесь! // Общее дело. 1921. № 402. 23 августа. С. 2.
16. *Б. п.* Смерть поэта А. Блока // Петроградская правда. 1921. № 165. 9 августа. С. 1.
17. *Блок А.А.* Земля в снегу. М.: Золотое Руно, 1908. 194 с.
18. *Блок А.А.* Нечаянная радость. М.: Скорпион, 1907. 163 с.
19. *Блок А.А.* Ночные часы. М.: Мусагет, 1911. 143 с.
20. *Блок А.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Наука, 1997–.
21. *Блок А.А.* Снежная маска. СПб.: Оры, 1907. 80 с.
22. *Блок А.А.* Собр. соч.: в 8 т. / под общ. ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова, К.И. Чуковского. М.; Л.: Гослитиздат, 1963. Т. 7. 548 с.
23. *Блок А.А.* Собр. стихотворений: в 3 кн. М.: Мусагет, 1911–1912.
24. *Блок А.А.* Стихи о Прекрасной Даме. М.: Гриф, 1905. 135 с.

25. *Блок А.А.* Стихи о России. СПб.: Журн. «Отечество», 1915. 43 с.
26. *Василевский И. (Не-Буква)*. Последние стихи (Памяти Александра Блока) // Последние новости. 1921. № 406. 13 августа. С. 2.
27. *Гизетти А.А.* О Блоке // Вестник литературы. 1921. № 10 (34). С. 3–4.
28. *Левинсон А.Я.* Александр Блок. Двенадцать. Рисунки Ю. Анненкова. Алконост. Петербург. 1918 [рец. на кн.] // Жизнь искусства. 1918. № 35. 12 декабря. С. 2.
29. *Левинсон А.Я.* Анна Ахматова — русская Марселина / вступ. заметка Р. Тименчика // Литературное обозрение. 1989. № 5. С. 52–56.
30. *Левинсон А.Я.* Волшебство экрана // Киномысль русского зарубежья (1918–1931) / сост., подгот. текста Р.М. Янгирова. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 121–188.
31. *Левинсон А.Я.* Еще о «Двенадцати» (Alexander Block Skythen. Die Zwolf Verlag Skythen Berlin) [рец. на кн.] // Руль. 1921. № 171. 12 июня. С. 7.
32. *Левинсон А.Я.* Незрячий пророк. (Новые книги Блока) // Жар-Птица. 1921. № 1. С. 43–44.
33. *Левинсон А.Я.* Старый и новый балет. Мастера балета / вступ. ст. И.В. Гвоздевой. СПб.: Лань; Планета музыки, 2009. 554 с.
34. *Левинсон А.Я.* Статьи о Сергее Есенине / публ. и комм. М. Никё и С.И. Субботина // Современное есениноведение. 2017. № 4 (43). С. 17–22.
35. *Левинсон А.Я.* Статьи о театре. 1913–1930 / сост., предислов., коммент. С. Сбоевой. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2017. 544 с.
36. *Лунц Л.Н.* I. Посмертная литература о Блоке. II. Новые поэты / публ. Т.А. Кукушкиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 2000 год / отв. ред. Т.Г. Иванова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 383–412.
37. *Слоним М.* Творческий путь Александра Блока // Воля России. 1921. № 283. 19 августа. С. 3–4.
38. *Чуковский К.И.* Собр. соч.: в 15 т. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2013. Т. 11. 592 с.
39. *Яблоновский А.А.* Александр Блок // Общее дело. 1921. № 392. 13 августа. С. 3.
40. *Levinson A.* La Littérature Russe actuelle // La Revue Mondiale. 1921. Vol. CXLIV, № 19. 1 October. P. 327–336.
41. *Levinson A.* Le tombeau d'Alexandre Block // Le Temps. 1923. № 22700. 1 December. P. 4.
42. *Levinson A.* Sur la Mort d'un Poète russe. Alexandre Block // La Revue mondiale. 1921. Vol. CXLV, № 21. 1 nov. P. 77–80.